

Социология и культура: порядок слов

Леонид Поляков

доктор философских наук, профессор
зав. кафедрой общей политологии НИУ-ВШЭ (Москва)

Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культуросоциология. Пер. с англ. Гр.Ольховикова. // М.: Праксис, 2013.

Выход в России книги Джеффри Александра через 10 лет после ее появления в оригинале — своего рода событие. Дело в том, что разрыв всего в 10 лет — это уже серьезное достижение, поскольку бывали случаи, когда ключевые работы западных социологов, философов и политологов доходили до русскоязычного читателя лет через 20-30¹.

Но событием публикация книги является не только по этой причине. Есть причина значительно более существенная: с выходом ключевого текста Дж.Александера на русском языке появляется надежда на то, что удастся, наконец, навести хотя бы элементарный научный порядок в такой стихийно сложившейся отрасли отечественного социо-гуманитарного знания как "культурология". Само название этой дисциплины изначально сомнительно, поскольку оно не имеет англоязычного аналога². Ближайшие референты — Cultural anthropology и Sociology of culture — это совсем о другом. В первом случае это самоочевидно. А в случае втором — не совсем.

Собственно этот последний момент и составляет главную интригу как оригинального текста, так и его русского перевода. Действительно: почему Дж. Александер в свое время отказался от привычного порядка слов? В чем разница между вполне солидной и безупречно академической дисциплиной "Sociology of culture" и тем, что он принципиально именует "A Cultural Sociology"? Исчерпывающий ответ на этот столь же принципиальный вопрос читатель найдет в первой главе рецензируемой книги, которую Дж.Александер написал совместно со своим давним коллегой и единомышленником Филиппом Смитом.

В этой главе авторам удается предельно обстоятельно, последовательно и полно изложить суть того методологического (и, если вспоминать И.Канта, то даже в чем-то "коперниканского") переворота, который привел к появлению действительно новой отрасли социо-гуманитарного знания. Но, прежде чем читать эту главу, не стоит пренебрегать "Введением", в котором Дж.Александер излагает историю появления A Cultural Sociology, в русской транскрипции передаваемой как "культуросоциология".

Итак, что отделяет культуросоциологию от традиционной социологии культуры? Дж.Александер объясняет это, обращаясь к самым истокам социологии вообще. Классики социологии и социологи второй половины XX века всегда исходили из презумпции *рациональной* природы общества Модерна. От Маркса до Парсонса социологи занимались тем, что тем или иным образом объясняли идеальное содержание общественных феноменов посредством редукции к тем или иным социальным структурам. "Социальное" как некое "материальное" в таких построениях неизменно выступало детерминантой любых культурных ("идеальных") смыслов.

Таким образом, веберовский постулат о рациональности как родовой сущности общества "Модерна" транслировался в социологический мейнстрим в виде притязания социологии на исчерпывающее объяснение всех духовно-идеальных феноменов как дериватов базовых социальных структур. "Культура" как сфера смыслов при таком подходе должна была поддаваться полной рационализации, и каждый отдельный "смысл", а затем и определяемое им человеческое действие должны были раскладываться на "социальные" составляющие.

Эта "иллюзия рациональности" Модерна, поставленная под сомнение еще Вальтером Бенямином, стала объектом пристального внимания Дж.Александера и его единомышленников в 80-х гг. прошлого века. Они приняли постулат, согласно которому социальная "реальность далека от прозрачности и рациональности" (49)³, а, следовательно, необходима своего рода альтернативная социология. Альтернатива состояла в том, чтобы признать сферу культуры в качестве активного участника социальных процессов, детерминирующего поведение социальных акторов таким образом, что они этого не в состоянии осознать. А задача уже не социолога культуры, а именно — культуросоциолога заключается в том, чтобы научиться "читать" идеально-смысловое поле культуры как "социальное бессознательное". Отсюда закономерный вывод: "Культуросоциология являет собой род социального психоанализа. Ее цель вывести на свет социальное бессознательное, открыть людям мыслящие через них мифы, чтобы они смогли в свою очередь создать мифы новые" (44). Отметим, что это очень по-американски (и не случайно Дж.Александер и Ф.Смит признают важную роль в осуществлении проекта культуросоциологии традицию американского прагматизма) — создавать науку, которая не только объясняет социальный феномен, но становится инструментом воздействия на этот феномен.

Здесь, правда, необходимо оговориться. Сам Дж.Александер не претендует на то, чтобы "построить обобщающую и имеющую дедуктивный характер теорию" (48). Его задача описана скромнее — как всего лишь "изложение исследовательской программы культуросоциологии и демонстрация того, как эта программа может быть конкретно применена к некоторым из основных проблем современной жизни" (53). Соответственно, и нам в дальнейшем достаточно будет рассмотреть эту программу и проверить ее эффективность на одном конкретном примере.

Прежде всего стоит обратить внимание на то, что водораздел между традиционной социологией культуры и культуросоциологией определяется Дж.Александром как различие "слабой" и "сильной" программы соответственно. Программа культуросоциологии "сильна" в том смысле, что ее исследовательской предпосылкой является признание культуры в качестве "независимой переменной" (59). Поэтому начальный пункт программы — "строго аналитическое отделение культуры от социальной структуры" (61).

На этом методологическом фундаменте выстраиваются три

¹ Так, например, одна из важнейших работ С.Хантингтона "Political Order in Changing Societies", опубликованная в оригинале еще в 1968 г., удостоилась русского перевода только в 2004 г!

² Ситуация с так называемой "культурологией" очень напоминает ситуацию с "политологией", так же не имеющей англоязычного аналога. Обратный перевод в виде "politology" прямо ставит в тупик западных коллег, которые вынуждены гадать, относится ли это к "Political Science", "Government" или к дисциплине, которая в западных университетах обозначается просто как "Politics".

³ Здесь и далее в круглых скобках даются ссылки на страницы рецензируемого издания.

ключевых принципа "сильной программы" культурсоциологии. И первый из них — это утверждение "культурной автономии"⁴. Если культура как "социальное бессознательное" и сфера "мифов" наделяется автономией, то отсюда с необходимостью следует, что культурсоциолог меняет порядок детерминации, а priori признаваемый социологом культуры. Важно понять не то, как социальные структуры "порождают" определенные культурные констелляции, а, наоборот, начать "прочитать" действия любых социальных субъектов как предопределенные культурными смыслами (мифами как нерелефлексивным бессознательным).

Сделав этот шаг, мы включаем в работу следующий принцип, который требует от нас умения "читать" социальные действия как развернутые "социальные тексты". Это значит, что культурсоциология невозможна без того, что Дж.Александр определяет как "герменевтическая реконструкция социальных текстов" (62). При этом он опирается на методiku так называемого "плотного описания" ("thick description"), разработанную еще Клиффордом Гирцем, которая нацелена на расшифровку "социальных смыслов" посредством аналитического выявления кодов, нарративов и символов, создающих определенную комбинацию этих смыслов. Последовательное применение этих герменевтических процедур продвигает "сильную программу" еще на один — и очень значительный! — шаг вперед. Теперь можно будет методологически легитимно перейти "от аналитической к реальной автономии культуры" (63).

Такой переход ведет к утверждению третьего и последнего принципа "сильной программы" культурсоциологии. Он описан Дж.Александром следующим образом: "Мы утверждаем, что сильная программа пытается укоренить причинность в непосредственных акторах и способах действия (agencies)⁵ и детально устанавливает, как именно культура влияет на то, что реально происходит" (64). Собственно иллюстрацией успешности этой попытки и являются все последующие главы книги, которую автор скромно определяет как "сборник очерков". По факту это так и есть, но по сути и по результату — перед читателем великолепная по своей методологической строгости и стройности, захватывающая по разнообразию сюжетов и при том — образцово научная монография.

Каждая из иллюстрирующих "сильную программу" семи глав заслуживает отдельной рецензии. Но, на мой взгляд, особенно наглядно показан "культурсоциолог за работой" в главе второй "О социальном конструировании нравственных универсалий: "Холокост" от военных преступлений до драмы травмы". И это не только потому, что глава по объему тянет на "монографию в монографии". Дело в том, что именно на примере предельно идеологически острого и культурно многозначного феномена, обозначаемого термином "Холокост", Дж.Александр показывает всю реальную аналитическую "силу" его "сильной программы".

Прежде всего Дж.Александр задается вопросом о том, каким образом событие, представляющее собой трагедию одного небольшого народа, превратилось в универсальную "травму" всей западной культуры? Отвечая на него, он предельно детально (в соответствии с требованием "плотного описания") восстанавливает всю "историю болезни" от момента обнаружения американскими солдатами нацистских лагерей смерти в апреле 1945 г. и вплоть до начала XXI века. Иными словами, он скрупулезно эксплицирует процесс культурного конструирования

"травмы", который содержит три последовательные фазы: кодирование, придание смыслового веса и, наконец, создание нарратива.

Следя за этой виртуозной экспликацией, читатель выясняет, что собственно "Холокост" как культурно значимого и неизлечимо травмирующего события не существовало до середины 60-х годов XX века. Да, был приговор нацистским преступникам в Нюрнберге за "преступления против человечества". Сами эти преступления кодировались как "геноцид", "массовое уничтожение евреев" или, в немецком культурном обиходе, как "окончательное решение". В еврейском самосознании присутствовал термин "катастрофа", либо "Шоа" — определение из Торы, обозначающее Божью кару, периодически насылаемую на народ Завета.

Во всех этих вариантах сам исторический факт нацистской практики уничтожения европейского еврейства закреплялся как уникальное злодеяние, получившее свое историческое же возмездие. "Злодеем" в этой истории выступал "нацизм", и коль скоро нацизм был побежден, уничтожен и запрещен, то и исторический горизонт оказывался очищенным от ужаса и неизбежного горя, которые оставались в прошлом.

В этой культурной кодировке события срабатывало то, что Дж. Александр именует "прогрессивным нарративом". Он выстраивается на основе просвещенческой, либо психоаналитической парадигмы, каждая из которых страдает "натуралистичностью" — "либо в наивно нравственном, либо в наивно психологическом смысле" (109). В этом типе нарратива нет самого существенного — "интерпретативной разметки, посредством которой эмоционально, когнитивно и нравственно опосредуются все "факты", имеющие отношение к травме" (там же). Следовательно, чтобы понять феномен "Холокоста", нужно исследовать, как в рамках западной культуры был выстроен нарратив иного типа. Что, как показывает Дж.Александр, культурсоциологу вполне по силам.

Прежде всего, он обнаруживает принципиальный момент — полную перекодировку того, что обозначается как "зло" в "прогрессивном нарративе". Теперь "злом" становится не ушедший в прошлое "нацизм", а само массовое уничтожение евреев. Такая перекодировка закрепляется следующей процедурой — приданием кодируемому "факту" иного "смыслового веса". Если "нацизм" воспринимался как историческое (преходящее) "зло", то геноцид европейского еврейства теперь определялся как "радикальное" или "сакральное зло". Как нечто не вмещаемое историей, как событие метаисторическое.

На основе этих процедур, тщательно отслеженных и "задокументированных" Дж.Александром⁶, и возникает альтернативный — "трагический нарратив". Он получает имя собственное — англоязычный термин "Холокост", обозначающий "не-что, полностью сожженное", вокруг которого и разворачивается процедура построения так называемой "драмы травмы". Она состоит в том, что уникальное событие определенного "места и времени" трансформируется во вневременный и повсеместный (в пределах западной культуры) нравственный смысл. Который возвращает западное человечество снова и снова к факту неизбежности травмы по имени "Холокост", превращая ее уже в имя нарицательное. Привлекая аристотелевскую концепцию "катарсиса", Дж.Александр вносит в трагичность нового нарратива некоторый "просвет". "Вечное возвращение" к хо-

⁴ Понятно, что никакого отношения к "культурно-национальной автономии" как принципу территориально-государственного строительства этот принцип не имеет.

⁵ Пожалуй, это один из немногих случаев (если не единственный), когда я бы не согласился с вариантом перевода. На мой взгляд, в данном контексте "agencies" точнее было бы передать как "факторы" — чтобы укоренить причинность не только в действующих субъектах, но и, главное — в тех "мифах", под воздействием которых субъекты оперируют сначала в заданных и затем в трансформируемых ими социальных контекстах.

⁶ Поэтому впечатляет гигантский ссыльно-справочный аппарат, который вообще-то подразумевается в любой научной монографии, но в данном случае он придает выводам автора безукоризненную доказательность.

локосту становится "драмой", травматичность которой имеет нравственно-терапевтический смысл для западного человечества⁷.

В этой экспликации конструирования трагического нарратива, создающего "Холокост" как мощную культурную универсалию, присутствует и конечный нравственный аспект, который, как подчеркивает Дж. Александер, содержит в себе его "сильная программа" культурсоциологии. Нарратив культуры и само событие остаются на своих местах — в научной рефлексии и в нравственном сознании, соответственно. Но на всякий случай автор уточняет: "То, чем "на самом деле был" Холокост, не является темой настоящего социологического исследования. Мой предмет — социальные процессы,

которые позволили событиям, которые теперь известны под этим названием, по-разному восприниматься в разное время. Напротив, неспециалистом реальность Холокоста должна восприниматься как объективная и абсолютная" (175, сн.62).

Хочется надеяться, что эта краткая демонстрация объясняющего потенциала культурсоциологии сыграет роль своего рода "трейлера", подвигающего человека, желающего если не освободиться, то хотя бы понять, что такое диктат "бессознательного культуры" к чтению книги Дж.Александера до конца. Вплоть до последней главы, в которой блестяще анатомирован такой культурный артефакт как "модернизация". Русскому читателю будет особенно интересно.

⁷ Такая осмотрительность в масштабах универсализации "травмы Холокоста" подчеркивает методологическую корректность "сильной программы", предполагающей строгий учет границ культуры. Дж.Александер специально оговаривается (и не раз), что "у не-западных стран, даже демократических, имеются свои собственные травмы, с которыми им нужно справляться" (177, сн.63)